

РАЗДЕЛ IV

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА

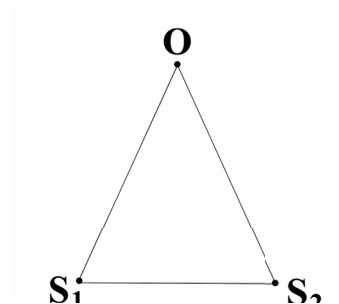
УДК 37

А. А. Чернобров

ГЕРМЕНЕВТИКА: НАУЧНЫЙ ПОДХОД; ЭССЕНЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТИКИ

Еще одной идеей, которая имела большое значение для развития лингвистики, является герменевтика. Основоположники герменевтики были согласны с эмпириком Локком и рационалистом Лейбницем в том, что главная цель языка – это взаимопонимание говорящих. Но герменевтики не были ни эмпириками, ни рационалистами и поэтому решали проблему понимания совершенно другим, несколько иррациональным и субъективным путем. П. Рикёр, один из видных представителей герменевтического направления, склонен считать это «коперниковским поворотом» в решении фундаментального вопроса «что значит понимать?» [1, с. 84]. На это можно возразить словами Б. Рассела, который, говоря о Канте, иронически заметил, что тот «совершил скорее не коперниковскую революцию, а птолемеевскую контрреволюцию, поставив человека опять в центр» [2, с. 7].

Часто очень трудно излагать герменевтику в герменевтических терминах. Мы попытаемся изложить эти идеи в прагматическом ключе. Суть герменевтического метода можно показать с помощью, так называемого, «герменевтического треугольника» [3, с. 48], который имеет следующий вид:



При этом O – есть объект, т. е. текст, S₁ – есть субъект 1, т. е. автор текста, S₂ – есть субъект 2, т. е. интерпретатор. Нетрудно заметить, что правильнее было бы назвать этот треугольник прагматическим по аналогии с семантическим треугольником Огдена-Ричардса. Герменевтический метод

отличается от прагматического большей ориентацией на субъекта-автора, чем на объект-текст и большим акцентом на психологический фактор.

Выражаясь современным языком, суть герменевтики состоит в том, что следует учитывать различные обстоятельства создания текста: исторические, идеологические, психологические, социологические и т. д. Понятие «контекст», «прагматика» и т. д. тогда еще не были в ходу и герменевтика явилась большим шагом вперед как первая теория интерпретации.

Кроме герменевтического треугольника существует и «герменевтический круг». Изображать его графически нет необходимости. Речь идет о соотношении текста как целого и его частей. Чтобы понять текст в целом, надо разъять его на части, возможно, мельчайшие, вплоть до фонем. С другой стороны, чтобы понять каждую часть текста, нужно вновь пойти от частей к целому, всему тексту, всей книге, всем авторам той эпохи и т. д. Таким образом замыкается герменевтический круг.

Основоположником «универсальной герменевтики» считается Ф. Д. Э. Шлейермахер (1768–1834). Шлейермахер, выражает суть своего учения: «Любая речь может быть понята лишь благодаря знанию исторических обстоятельств жизни, которую она отражает, она (речь) постижима только как момент в жизни говорящего и через обусловленность всех его жизненных моментов, а эти последние определяются совокупностью его окружения, его развитием и настоящим существованием, ... каждый говорящий постигается лишь через его национальность и его эпоху» [4, с. 274].

Среди предшественников Шлейермахера называют блаженного Августина, хорватского теолога Матиаса Флациуса Иллирийского, автора книги «Ключ» (1567), Гуго Гроция (1583–1645), немецкого философа И. М. Хладениуса, [3, с. 205–209]. Б. Спиноза, которого тоже считают предшественником герменевтики, в своем «Богословско-политическом трактате» предлагает толковать Священное писание иносказательно. Такое толкование, исходящее из того, что Библия была написана так, чтобы быть понятной тем, для кого она первоначально предназначалась, тоже можно назвать прагматическим.

Проиллюстрируем абстрактные тезисы примерами. Когда Христос говорит о виноградниках, виноградарях и собирании спелых плодов, то толкователи Библии правомерно указывают, что под виноградниками имеется в виду человечество, виноградары, которые выращивают лозу – это священники, а плоды – это праведные души. Более спорный пример – это толкование одной из книг Библии – «Песни Песней». Буквальное толкование этого текста приводит к мысли, что перед нами образец любовной, даже эротической поэзии. Однако христианские священники склонны толковать эту книгу как притчу о союзе Господа с его Церковью (вспомним, что христианских монахинь называют «невесты христовы»). Такое истолкование текста называют телеологическим или целевым (см. ниже).

Иудейские теологи говорят: цель автора «Песни Песней», которым считается царь Соломон, внушить мысль о прочности союза Бога с Его народом, следовательно: единственно верно такое толкование, которое соответствует этой цели.

Поскольку вначале герменевтика была теологической, то она была не просто искусством толкования и разъяснения, но почти универсальным ключом к отысканию истины, которая абсолютна, ибо божественна. Это крайняя точка эссенциалистской парадигмы языка. Вспомним выражение Гераклита, говорившего о слове, как «седалище истины»*.

Теологическое понимание слова «герменевтика» до сих пор преобладает в английском языке [см.: Webster's, 1993]. Затем появилась юридическая герменевтика. Выдвигались такие принципы правильного толкования законов, [3, с. 21]:

- по словесному смыслу (грамматическое толкование);
- по совокупной взаимосвязи с другими законами (систематическое);
- по исторической ситуации (историческое);
- по смыслу и цели закона (телеологическое).

П. Рикёр в этой связи заметил: «Герменевтика фактически родилась, или скорее ожила в эпоху Шлейермахера из сплава библейской экзегезы, классической философии и юриспруденции» [1, с. 81]

Шлейермайхер предложил «универсальную герменевтику», выделив три аспекта «схватывания» текста: историко-культурный, художественный (эстетический), и спекулятивный (смысловой, философский).

Идеи Шлейермахера сначала были не очень распространены, но затем были возрождены рядом философов как антитеза прагматическо-позитивистской линии. Теории главных представителей герменевтики (В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера) тесно связаны между собой, поэтому целесообразно коротко затронуть их одну за другой, а затем перейти к логико-семантическим теориям прагматизма и позитивизма (Дж. С. Милль, Ч. С. Пирс, Ч. Моррис, Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап) и на этом закончить исторический обзор.

Для уяснения взглядов В. Дильтея (1833–1911) важно различить два ключевых понятия: «объяснение» и «понимание»: В своей книге «Объяснение и понимание» (1971) Г. Х. фон Вригт критикует герменевтику и разъясняет: «Имевшую столь большое значение методологическую дихотомию ввел немецкий историк и философ Дройзен. Цель естественных наук, говорил он, заключается в объяснении, цель же истории – понимание явлений, входящих в сферу их изучения» [6]. Дильтей распространил этот принцип на все «науки о духе» и создал «понимающую психологию» [7], развивал гер-

* Нужно учитывать, что греческое слово *логос* переводится не только как «слово», но и как «учение», «закон», «логический порядок» или «разум». У Гераклита «Логос» – часть единого божественного Разума.

меневтику. В языке, мифах, литературе он видел «объективизированную психическую жизнь» [7]. Он часто употреблял модное ныне слово «менталитет» а также термин «вчувствование» («*Emfuhlung*»), т. е. вживание в духовный мир другого индивида и другой культуры. Без этого, говорит Дильтей, понимание невозможно. Однако саму методику «вчувствования» Дильтей демонстрирует не столь конкретно. Дальше по этому пути смогла пойти только послефрейдовская психология и, особенно, К. Г. Юнг с его теорией «коллективного бессознательного». На наш взгляд, ассоциативный эксперимент является одной из технологий такого «вчувствования». Нельзя не согласиться с тем, что «вхождение» в язык невозможно без вхождения во внутренний мир носителя языка, в частности, в тот предметный мир, который является областью ономастики.

Большое влияние на лингвистические, культурологические и психологические теории XX в. оказали труды Эдмунда Гуссерля (1859–1938). Парадокс заключается в том, что цели Гуссерля были в общем теми же, что и у позитивистов – он хотел сделать из философии строгую науку, так и называется одна из его работ. Гуссерль, как и позитивисты, стремился к объективности в науке, но для него объективным, несомненным было только предельно личное. Влияние картезианского принципа *cogito ergo sum* на этого мыслителя не вызывает сомнений. Стиль текстов Гуссерля приводит к мысли, что он обладал интравертным, поэтическим типом мышления. Поэтому логичным выглядит и то, что он отвергал позитивистские, сциентистские идеи. Его учение, особенно в изложении Хайдеггера и Гадамера, стало одним из самых последовательных воплощений антиэмпирической, экстравертной в терминах Юнга, парадигмы философии языка*.

Наследие Гуссерля огромно, его идеи зачастую изложены неясно и даже противоречиво. Большинство исследователей считают, что главными в его творчестве выступают понятия «редукции» и «интенциональности» или «полагания смысла». Именно эти два понятия смыкаются с проблематикой нашей работы. Первое из них перекликается с нашим утверждением о том, что язык отражает сознание, а не реальность. Теория интенциональности – это одно из самых влиятельных в философии объяснений генезиса «картины мира».

Идеи Гуссерля гораздо легче понять, обратившись к его главному предшественнику – Канту. Кант говорил что природа человека двойственна – с одной стороны, он явление природы, феномен, лишенный:

* Гораздо более явно антипозитивистский настрой проявляется у А. Ф. Лосева в книге «Философия имени» [Лосев, 1927]. Трактровка имени у Лосева совершенно гуссерлианская с одним существенным дополнением: гераклитовско-гегельянской диалектикой. Показательно, что Лосев употребляет термины «Имя» и «Слово» почти всегда в единственном числе. Эти понятия для него подобны монадам Лейбница – в каждом из них как бы отражается весь мир. Несколько агрессивный, полемически заостренный тон Лосева его поклонники называют «страстным», а противники – раздраженно-нетерпимым. Только слово, по Лосеву очеловечивает человека. Эта точка зрения встретила обоснованные возражения [см., например: Касевич, 1996, библиогр. там же].

свободы и живущий в царстве необходимости. С другой стороны истинная, ноуменальная, сущность человека находится в царстве свободы; Гуссерль хочет освободить сознание человека от внешней тирании «царства необходимости». Это не только физическая, но и интеллектуальная тирания рациональных концептуальных схем. Такое освобождение Гуссерль называет феноменологической редукцией или «эпохэ». Он говорит о «схватывании потока чистого сознания». Подлинный язык, в понимании Гуссерля, должен отражать феномены чистого сознания. Хайдеггер, развивая эти мысли Гуссерля, говорил, что обретающие смысл феномены сознания необходимо становятся символами. Человек – единственное существо, окружающее себя символами и живущее среди них.

У Ж.-П. Сартра есть статья «Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность». Чтобы объяснить идею Гуссерля, можно развить удачную метафору, придуманную Сартром. Он пишет, что человек в своем познании окружающего мира похож не на зверя, а скорее на паука. Человеческое познание, подобно питанию паука, обладающего внешним, а не внутренним пищеварением. Паук не может поймать пищу иначе, как сплетя паутину. Человек не может воспринимать мир иначе, как покрыв его сетью априорных ментальных представлений. Прежде чем проглотить пойманную жертву, паук опрыскивает ее пищеварительными соками. Паук всасывает жертву только тогда, когда она теряет свою форму, становясь полужидкой. Человек способен переварить окружающий мир, только опрыскав его пищеварительным ферментом. Этот фермент – полагание смысла во всем, с чем он сталкивается.

По Канту три главных априорных категории сознания – это время, пространство и причинность. Локк считал, что эти категории выводятся из опыта. Материалисты явно или неявно следовали этому взгляду. Кант показал, что понятия времени, пространства и причинности предшествуют всякому опыту, такое структурирование мира является врожденной потребностью интеллекта. Гуссерль имел в виду, что сознание превращает ощущения в знаки, нагруженные смыслом. Эти знаки превращаются в символические формы и образуют мифологический «дом человеческого духа», как выразился Хайдеггер. Интересно, что в последнее время отечественные ученые все пристальнее прислушиваются к голосу этих мыслителей,

Во взглядах М. Хайдеггера (1889–1976) наиболее четко проявилось неприятие позитивизма, прагматизма и логицизма. Обозначилось резкое противостояние между рациональным и иррациональным мышлением, «объясняющим» и «чувствующим» познанием, научным и поэтическим типом мышления. Ранний период творчества Хайдеггера называют экзистенциальным, а поздний – герменевтическим. Некоторые важные работы позднего Хайдеггера опубликованы [8]. В одной из этих статей «Что значит мыслить?» он прямо заявляет, что «мы еще не научились мыслить как следует», и главное препятствие – рациональный рассудок. На примере Хайдеггера видно, как из-за разного типа мышления предлагают проти-

воположные решения одних и тех же проблем. О влиянии языка на мышление, детерминированности мышления языком говорили все: Гумбольдт, Шлейермахер, Дильтей, Хайдеггер, с одной стороны, и Фреге, Рассел, Карнап и Поппер – с другой. Напомним, что К. Поппер даже называл наше мышление «языковой тюрьмой». Но Поппер и подобные ему мыслители всегда призывали вырваться из этой «тюрьмы» и приложили к этому много усилий. Хайдеггер же даже не помышлял об этом. Он говорил: «Человек есть человек, поскольку он отдан в распоряжение языка и используется им (языком) для того, чтобы говорить на нем». [9]. Уже в ранних работах Хайдеггер утверждал, что язык говорит (*spricht*) через человека, а задача человека – лишь соответствовать ему (*der Sprache entsprechen*). Этот тезис Хайдеггера может показаться абсурдным, но нужно понять, что он считал любую рациональную информацию, навязанную извне, искажением естественного состояния языка, подавляющим его органические формы. Отрешиться от навязанных языку рациональных систем – и есть предельная естественность по Хайдеггеру.

Таким образом, мы видим два полюса в истолковании языка: предельная онтологизация его Хайдеггером и деон-тологизация его Гоббсом. Ю. С. Степанов считает, что нужно остановиться ближе к середине. [11, с. 32]. Однако этот тезис еще требует доказательства*.

Непосредственным продолжателем онтологической герменевтики Хайдеггера является его последователь Ханс-Георг Гадамер (р. 1900). Язык для Гадамера – это горизонт герменевтической онтологии [12]. Он считал, что необходимо завершить «онтологический поворот герменевтики» [там же, с. 446]. Развивая мысль Хайдеггера, Гадамер пишет: «Везде, где есть язык, есть человек»... он «возвышается или возвысился над натиском мира, ... это есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи [там же, с. 513–514]. В разделе своей книги под названием «Язык и логос» [с. 471–485] Гадамер анализирует «Кратила» Платона. Это можно назвать истолкованием Платона в духе Хайдеггера. Главу «Язык как опыт мира» [с. 508–528] можно назвать истолкованием Гумбольдта в духе Хайдеггера. Многие проблемы, обсуждаемые Гадамером, имеют к лингвистике весьма опосредованное отношение. К проблеме «язык и культура», имеющей отношение к ЛС, Гадамер обращается в связи с понятием предрассудка. Он прямо заявляет: «Предрассудки отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия [там же, с. 329]. Он говорит,

* Философы сходного с Хайдеггером темперамента, например, М. Фуко, стараясь противостоять тенденциям рационализации западной мысли, призывают преодолеть «неизгладимый разрыв...» между бытием человека и бытием языка. Фуко сожалеет, что многие склонны «счесть химерой всякую антропологию, ставящую вопрос о бытии языка, всякую концепцию языка или значения, ищущую, как достичь, выявить и освободить присущее человеку бытие. Пожалуй, именно здесь коренится самый важный философский выбор нашей эпохи... Ничто не может нам сказать, который из этих путей ведет в тупик, а который нет» [10, с. 359].

что предрассудки были неоправданно дискредитированы Просвещением [там же, с. 324], и заявляет, что главным предрассудком Просвещения было «предубеждение против самих предрассудков» [с. 325].

Здесь необходимо пояснение. Философы Просвещения действительно считали, что есть три великих зла: Невежество, Страх и Рабство и три великих лекарства: Знание, Мужество и Разум. Одним из первых, кто начал воплощать великую программу Просвещения человечества, был Б. Спиноза. Самым большим страхом, который надо побороть, был страх перед Богом. Иудейский Бог, в отличие от Христа, вызывал страх и трепет. Спиноза призывал вместо страха и трепета обрести «разумную любовь к Богу». Спиноза математически доказывал*, что все, что нужно человеку – это действовать согласно разуму на основе знаний, и тогда человек станет истинно свободным и счастливым. Спиноза боролся с первым страхом, а Фрейд – с последним – страхом и предрассудками, связанными с сексом. Он считал, что сексуальные и религиозные комплексы и аффекты – последние рабские цепи разума. Фрейд был одним из последних мыслителей, кто верил в Разум: «Царство разума далеко, но не недосягаемо», – писал он в книге «Недовольство культурой». Поэтому психолог Эрих Фромм называл Фрейда «последним великим просветителем». Эмпирик и рационалист Фрейд был в меньшинстве среди философов. Гадамер рассматривал «науку о духе» совершенно по-другому.

Некоторые предрассудки, считает Гадамер, должны быть объявлены «разумными» [там же, с. 329–338]. Проблема предрассудков – одна из важнейших у Гадамера, и в то же время имеет большое значение для лингвокультурологии, в связи с вопросом о содержании фоновых знаний, так сказать, информационном содержании культуры. Хотелось бы остановиться на этой проблеме несколько подробнее. Борьба с предрассудками велась задолго до эпохи Просвещения.

Английский философ-схоласт Роджер Бэкон (1214–1294) выделял четыре причины невежества: во-первых, преклонение перед недостойными авторитетами, во-вторых, влияние привычки, в-третьих, суждение невежественной толпы, в-четвертых, сокрытие собственного невежества под маской несомненной мудрости [2, с. 483].

Другой английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) создал свою классификацию предрассудков или «плохих привычек ума», которые он назвал «идолами». «Идолы рода» – это те, которые наследственны в природе человека. «Идолы пещеры» – это личные суеверия человека. «Идолы рынка» – это те, которые связаны со злоупотреблением словами. «Идолы театра» – это тирания общепринятых систем мышления. «Идолы

* Его трактат «Этика» написан по образцу «Начал» Евклида. Все положения трактата доказываются как геометрические теоремы. Все доказательства завершаются фразой: «Что и требовалось доказать».

приверженности к старым школам» – это предубеждения, что некоторое слепое правило (например, силлогизм) может заменить опыт и рассудительность [12].

И. Кант выделяет три причины предрассудков – подражание, привычка и склонность. Он приводит такую классификацию предрассудков [с. 383–388].

1. Предрассудки авторитета:

а) предрассудки авторитета личности;

в) предрассудки авторитета толпы;

с) предрассудки авторитета эпохи (здесь главную роль играет предрассудок древности).

2. Предрассудки себялюбия или логического эгоизма. Завершая раздел о предрассудках, Кант восклицает:

«Поразительно, что в наш век еще возможно... поднимать вопрос о поощрении предрассудков».

Однако необходимо все же сказать несколько слов, поясняющих точку зрения Гадамера. Очень знаменательно, что все герменевтики – Шлейермахер, Дройзен, Хайдеггер, Гадамер – говорят об историческом аспекте человеческого бытия, историческом срезе неязыковой и языковой действительности. И. Дройзен, и Гадамер говорят о «принципе понимания» и «возвращении к предрассудкам» применительно к исторической науке и в меньшей мере к другим «наукам о духе» (Geistwissenschaften). Речь, конечно же, не идет о замене естествознания предрассудками. «Вчувствование» в исторический контекст вполне можно назвать «диахронической прагматикой», если употреблять рационалистическую терминологию. Разумеется, если две культуры отстоят друг от друга не только в пространстве, но и во времени, «вчувствование» одной культуры в другую крайне затрудняется. Предрассудки толпы и предрассудки эпохи необходимо тщательно учитывать. Более того, проведенный нами ассоциативный эксперимент с личными именами показывает, что закрепленные в ассоциациях фоновые знания носителей культуры, действительно в большей степени напоминают предрассудки. Ассоциативный словарь СИ можно было бы назвать каталогом предрассудков. Причем они носят не обязательно диахронический, исторический, но и актуальный, синхронический характер. Видимо, нужно согласиться с Р. Бэконом, Ф. Бэконом и И. Кантом, что главные причины предрассудков – это наследственность, воспитание, привычка, инстинкт подражания и личная склонность или симпатия. Переводя слово «предрассудок» на рациональный язык, можно назвать это «стереотипом сознания и подсознания». Этим занимаются многие психологи и психолингвисты.

Что касается других известных представителей современной герменевтики, то мы ограничимся лишь их упоминанием. Герменевтика Э. Бетти называется методологической, а герменевтика П. Рикёра

гносеологической*. Это частичное смягчение крайних «онтологизаторских» взглядов М. Хайдеггера. На этом мы завершим обзор эссенциалистской, антиноминалистической линии в философии. Обобщая все сказанное выше, мы выделим любопытную особенность: эссенциалисты уделяли очень мало внимания СИ, т. е. ономотологии, и гораздо больше – абстрактным вопросам соотношения языка и культуры. Их невнимание к СИ объясняется неприятием произвольности знака. Если знаки произвольны, то СИ в строгом смысле невозможны. Эссенциалисты, тяготея к абстрактным сущностям, старались уловить связь между языком и культурой, но не через конкретику, эмпирику, эксперимент, а через философскую рефлексию, общие абстрактные имена. Здесь мы видим, как любопытно переплетается проблематика ономотологии с проблематикой культурологии.

Библиографический список

1. **Рикер, П.** Герменевтика, этика, политика. [Текст] / П. Рикер – М., 1945
2. **Рассел, Б.** Человеческое познание, его сферы и границы [Текст] / Б. Рассел – М.: ИЛ, 1957.
3. **Герменевтика:** история и современность [Текст] – М.: Мысль, 1986 – 303 с.
4. **Верещагин, Е. М.** Лингвострановедческая теория слова. [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров – М.: Русский язык, 1980.
5. **Спиноза, Б.** Богословско-политический трактат [Текст] / Б. Спиноза // Сочинения. В 2 т. Т2. – М., 1957
6. **Вригт, Г. Х. фон.** Логико-философское исследование [Текст] / Г. Х. фон Вригт – М.: Прогресс, 1986.
7. **Дильтей, В.** Описательная психология [Текст] / В. Дильтей. – М., 1924.
8. **Хайдеггер, М.** разговор на проселочной дороге [Текст] / М. Хайдеггер – М.: Высшая школа, 1991
9. **Зайцева, З. Н.** Мартин Хайдеггер: язык и время [Текст] / З. Н. Зайцева // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991 – с. 158–177.
10. **Фуко, М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко – СПб, 1994
11. **Степанов, Ю. С.** Изменчивый «образ языка» в науке XX века [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука XX в. – М., 1995. – С. 7–34.
12. **Бэкон, Ф.** Новый органон [Текст] / Ф. Бэкон. Сочинения. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – С. 5–222.
13. **Кант, И.** Логика [Текст] / И. Кант // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980.
14. **Сенько, Ю. В.** Технология профессионального образования в герменевтическом круге [Текст] / Ю. В. Сенько, Т. Л. Комоза // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 4. – С. 69–84.

* П. Рикёр испытал сильное влияние психоанализа З. Фрейда. Он и некоторые другие ученые говорили, что психоанализ, например, толкование снов, есть герменевтика. О влиянии Фрейда на западную философию см.: [Лейбин, 1990]. В этой информативной и лишенной тенденциозности книге прослеживаются глубокие философские истоки психоанализа и показывается, что Фрейд оказал влияние практически на все течения западной философии.